

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ РЕЦЕПЦИИ М. М. БАХТИНА: ОТ «ARTS & HUMANITIES» К «SOCIAL STUDIES»

Д.Э. Гаспарян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
факультет гуманитарных наук, Школа философии и культурологии, Москва, 101001, ул.
Мясницкая, 20
E-mail: anaid6@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые тенденции западного бахтиноведения, а также своеобразие непосредственно англоязычной рецепции творчества М.М. Бахтина. Показывается, что одной из отличительных черт рецепции стала практика перевода бахтинской методологии из области чистой гуманитаристики в область эмпирических наук, в частности, дисциплинарной трансформации из “Arts & Humanities” в “Social Studies”. Рассматривается, в какой степени на пути данного перепрочтения ключевыми понятиями стали «диалогизм», «диалогическое Я», «социальная идентичность» и «граница». Анализ темы проиллюстрирован главным образом на работах двух крупнейших исследователей, активно применяющих бахтинскую методологию в рамках своих собственных работ – Я. Валсинера и Х. Херманса.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, социальная идентичность, Круг Бахтина, западная рецепция; диалогизм; диалогическое «Я»; Arts & Humanities, Social Studies

Западное бахтиноведение: «Arts & Humanities» vs. «Social Studies»

Идеи Михаила Бахтина получили распространения на Западе в середине 60-х годов XX столетия, что совпало с активным развитием, а затем и кризисом структурализма. Структурализм, как известно, был той «данью», которую гуманитарные науки были готовы принести сциентизму, набравшему все большие обороты и снискавшему авторитет универсальной методологии. Сциентизация гуманитарного знания дала необычные плоды: сначала исследователи искали закономерности и инварианты в области нарративов, дискурсов и смыслов, а затем, после того как маятник качнулся в сторону постструктурализма, стали утверждать произвольную и герменевтически неустойчивую нарративность и дискурсивность любого, в том числе естественно-научного, знания. Бахтин вначале был воспринят философией, главным образом, структуралистской и постструктуралистской направленности¹, но затем по мере схождения структурализма и постструктурализма с арены интерес к Бахтину стал все больше смещаться в

¹ Самое первое представление Бахтина западной аудитории принято связывать с именем Юлией Кристевой, и ее представление бахтинского наследия несомненно укладывалось в русло «Arts & Humanities», поскольку в ее отсылках Бахтин предстает как философ, структуралист и семиотик, культуролог.

смежные области различных социальных наук. Его идеи были представлены в ряду мыслителей русской «формальной школы», как, своего рода, квинтэссенция их изысканий. В таком прочтении идеи Бахтина были представлены в работе Юлии Кристевой «Word, Dialogue and Novel» в 1969 году [1]. Первоначальный запрос западных интеллектуалов на развитие ключевых идей М. Бахтина был отчетливо связан с гуманитарной мыслью. Именно в подобном прочтении идеи Бахтина закрепились в восприятии многих исследователей, притом, что с определенного момента времени вплоть до настоящего дня тематической областью значительного числа исследований, использующих бахтинский инструментарий, является не «Arts and Humanities», а «Social Studies».

Непосредственно историко-философские и более дескриптивные разборы идей Бахтина были распространены в 1980-х, к началу же 1990-х стали появляться более оригинальные трактовки его идей. Из сферы гуманитарной ассимиляции стоит упомянуть разработку категории «прозаика», на основе которой Морсон и Эмерсон попытались описать вклад Бахтина в теорию гуманитарных наук [2]. Наиболее полно идеи мыслителя рассмотрены в современных тезаурусах, как, например, «Круг Бахтина» от Крейга Брандиста [3]. Такие концепты как «хронотоп», «полилог», «полифония», «смеховая культура» и многие другие оказались необыкновенно продуктивны и смыслоёмки для возможных интерпретаций в гуманитарных контекстах. Множественные рецепции идей Бахтина в ранний период переноса его наследия на западную почву характеризовались именно выраженным гуманитарным интересом. Однако очень скоро уникальный подход и терминология мыслителя дали возможность не только преодолеть междисциплинарные различия, но и значительно продвинуться в западной адаптации его идей от философии и филологии до психологии и социологии. Второй, более поздний период переноса идей Бахтина в западную мысль отличался выходом за пределы чистой филологии и философии и выходом за пределы «Arts and Humanities» в область «Social Studies».

Если говорить непосредственно о западной традиции освоения наследия М. Бахтина, то любопытным фактом является то, его идеи получили наибольшее развитие в психологии и социологии. Сегодня поиск статей с использованием категориального аппарата М. Бахтина или исследований, напрямую связанных с его наследием в значительной степени находится в тематических разделах «Social Studies»: в рубриках по психологии личности, социологии отношений, культурной психологии, кросс-культурным и этнокультурным исследованиям и пр. Как это ни парадоксально, у идей и понятий Бахтина гораздо больше применений в теоретических разработках на Западе, чем на его родине. Так активность обращения к его работам и идеям, например, в статьях на итальянском или на английском языках выше, чем в статьях на русском. При этом одной из важных отличительных черт интерпретации теории Бахтина в иноязычных исследованиях является их фрагментарная избирательно-точечная интерпретация. Это выражается в том,

что зарубежным автором для построения собственной теории, как правило, избирается одно «бахтинское» понятие и оно ложится в основу для последующей эмпирической верификации. Не менее распространенной исследовательской практикой является выстраивание разветвленных цепочек, сформированных на основе западных интерпретаций, которые довольно далеко уходят от оригинала и образуют свою уникальную и плодотворную библиотеку применения Бахтинских концептов. Таким образом, формирование корпуса идей Бахтина в англоязычной исследовательской среде произошло не столько, благодаря комплексному рассмотрению его теории, сколько за счет выборочной интерпретации и адаптации его наработок для подведения теорий к полевым исследованиям в области не столько гуманитарных (Arts and Humanities), сколько социальных наук (Social Studies). Одной из характерных особенностей западного бахтиноведения выступает прикладной запрос на концептуальное наследие мыслителя, а также то, что авторы, опирающиеся на каркас бахтинских концептов, шли от своего собственного по большей части практико- и проблемно-ориентированного интереса. Таким образом, идеи и подходы М. Бахтина оказались емкими и продуктивными для исследований, использующих в том числе эмпирический материал и количественные данные.

Социальная идентичность

Англоязычные читатели получили возможность ознакомиться с идеями Бахтина ближе к 1960м годам. Несмотря на то, что в 60-ых годах уже намечается некоторое ослабление бихевиористских и натуралистских подходов в изучении человека, доля их еще очень велика. До определенной степени таким положением объясняется тенденция интегрировать наследие Бахтина в такие отрасли знания, где есть место количественным данным, статистике и, в целом, эмпирически ориентированным методам. В свою очередь сама избирательность заимствования бахтинского наследия имела «фрактальный» эффект: раздробленность ассимиляции его идей была многократно воспроизведена в дифференцированном применении в различных областях знания. Поскольку поначалу концепции Бахтина черпали свое вдохновение в литературной теории, то ближайшим ареалом восприятия и воспроизводства бахтинской мысли была континентальная философия, которая в отличие от англо-американских истоков аналитической философии, мало влияла на современное развитие социальных наук.

Однако уже со второй половины 80-ых годов началась медленная, но верная интеграция бахтинского инструментария в область наук, имеющих более прикладное и практико-ориентированное содержание. Ближайшей областью применения бахтинского наследия стали социальные науки, изучающие культуру, психологию культур и социальную психологию, этнологические и этнографические дисциплины, иными словами, все те

науки, которые имеют дело с человеком не как с абстракцией, а как с явлением эмпирической среды.

Самым непосредственным проявлением подобной тенденции в науках стало изменившееся отношение к изучению культур. Если ключевой методологией корпуса дисциплин, именуемых «Cultural Studies», была описательность с точки зрения субстанциональной природы культурных форм и значений, то с 80-ых годов явления культуры все больше толкуются, как частные проявления более глубинных и вместе с тем подвижных социальных процессов. Культура мыслится как продукт социальных взаимодействий, определенный символический код, в котором проявляются социальные отношения. Важным моментом этой трансформации является перевод рассмотрения культуры из статичной и субстанциональной в функциональный и реляционный форматы. Культура также рассматривается как сумма подвижных, и что самое важное, недолговечных отношений. Данные отношения текучи и гибки, они могут образовывать конгломерации, но распадаться впоследствии, чтобы вступить в новые отношения и привести к новым эффектам. Как раз в контексте этих методологических новшеств в изучении культур и социальных явлений в западной традиции открытие Бахтинской мысли пришлось как нельзя кстати. Перевод работ Бахтина на английский язык и локальная апробация его концепций в философии и теории литературы совпало по времени со сдвигом парадигмы восприятия культуры и культурной идентичности. В 1983 году антрополог Клиффорд Гирц опубликовал книгу «Local Knowledge» [4], которую впоследствии характеризовали как «разрыв границы между социальными и гуманитарными науками» [5, с.64]. В ней он обосновал переход от восприятия культуры как определенного и статичного набора норм и традиций к рассмотрению ее изменчивой социальной природы. Эта концепция была в дальнейшем дополнена и расширена в работах Нестора Гарсиа Канклинни [6] по социальной теории, в частности о гибридных культурах и их взаимопроникновении

Концепции диалогичности Бахтина как теоретически, так и методологически идеально сочеталась с подобным восприятием культуры,. Главным образом, истоки соответствия коренились в идеях десубстантивированной природы личности и Я. Согласно Бахтину Я всегда уже включено в диалог с другими и формируется, по сути, как результирующее различных диалоговых включений. Я проговаривается как множество ответов, фактически составляющих существо тех позиций, взглядов, ценностей и верований, которые мы склонны закладывать в предикативную часть личностной структуры Я. Личность нельзя взять из ниоткуда, из пустоты когитальной самодостаточности, как это подразумевалось в классической традиции картезианской философии. Ее нельзя почерпнуть и из божественной полноты благодати Творца, который самым актом творения дарует Я его личностное содержание. Последней версией фундировались многие метафизические теории Я, в основе которых

лежало западное христианство. Напротив, в пост-метафизическом изводе личность собирается и складывается из многих живых коммуникаций и нарративов; личность - это тот рассказ о себе, который всегда уже ведется по запросу Другого, в поле его (Другого) заинтересованности и требовательности.

Важнейшим концептом, явившимся средоточием описанных явлений соединения явления социума и культуры, явилось понятие *социальной идентичности*². Вокруг него стягивается мысль западных исследователей, открывших Бахтина не только как теоретика и философа, но, в первую очередь, как методолога. Именно анализ диалогической природы социального взаимодействия, была экстраполирован в область социальных наук. Таким образом, происходит «встраивание бахтинского метода в уже сложившийся исследовательский аппарат и исследовательскую проблематику» [7, с. 77]. В период, когда Бахтин проникает на западную почву, в науках о человеке ведется активный поиск логики и технологии взаимодействия между индивидом и социумом, индивидом и культурой, индивидом и средой. При этом важнейшими итогами предшествующих исследовательских интервенций являлся отказ от различных версий картезианской парадигмы, где субъект не имеет ничего общего со средой, равно как пересмотр различных структуралистских, в том числе, марксистских подходов, где речь идет о полной редуцируемости человека в среду. Интеграция бахтинской методологии в область социальных наук оказалась в этот момент на редкость своевременной, в первую очередь, благодаря пристальному вниманию к понятию социальной идентичности. Различные смысловые и методологические модальности бахтинского концепта диалогичности, как нельзя лучше, фундировали сначала теоретическую, а потом и практическую основу анализа человеческой идентичности.

Понятие идентичности означает набор существенных и автореферативных («автопредикативных»), если воспользоваться термином В.Н. Романова, крупного российского историка и теоретика культур [8]) характеристик личности, которые не только позволяют осуществить внешнюю идентификацию, выполненную на любом уровне заданности (этнической, языковой, религиозной и пр.), но, в первую очередь, выполнить внутреннюю идентификацию Я, как опознаваемого, удерживаемого, и, определимого в серии конкретизированных содержательных предикаций. Если по поводу первой характеристики в истории тематизации субъекта и личности не было больших разночтений, то определение внутренней структуры традиционно подвергалось значительным переопределениям. Основным, уходящим вглубь философских споров, был вопрос о том, является наше Я субстанциальным или чисто функциональным. Надо отметить, что само появление понятия социальной идентичности Я уже по

² Определение социальной идентичности принадлежит Генри Тэджфелу [9], однако было многократно расширено и дополнено многими другими авторами.

определению подразумевает отказ от картезианской парадигмы и введение концепта понятия? Другого. Согласно бахтинской логике чувство идентичности гибко отделяет человека от среды, сохраняя, между тем, со средой подвижную общность. Человек фактически задается самой этой операцией отделения и удержания. Поэтому человек есть единица, невозможная вне множества других единиц.

То, как формируется чувство идентичности, каковы символические истоки возникновения отдельного Я становится главной темой исследования целой плеяды ярких и влиятельных теоретиков культурной и социальной психологии (cultural psychology, social psychology) Запада - Яана Валсинера, Хуберта Херманса, Гарри Кемпена, Ренс ван Луна, Дебры Скиннер, Дороти Холланд и др. Такие авторы как Валсинер, Херманс, Кемпен и Лун стоят у истоков применения или внедрения бахтинской методологии в поле экспериментального знания Social Studies, вопреки т.н. Desk Based Studies («кабинетное знание»), в рамках которого Бахтина в основном воспринимают на родине. Вместе с тем, Херманс, Кемпен и др. предложили использовать количественные методы оценки: опросы, психометрические методы, кластерный анализ, многомерное масштабирование и др. на основе доверия и принятия той концепции Я, которая была предложена Бахтиным (Hermans & Kempen, 1993; 1995). Отталкиваясь от бахтинской концепции диалогичности, упомянутые выше авторы, выдвинули идеи возможности экспериментальной верификации динамической природы личности, которая складывается из многообразия т.н. Я-позиций, каждая из которых является ответом и «репликой» на вызовы, вопросы и ожидания других Я. Поскольку Я «осциллирует» между многими голосами, которые подчас исключают или отрицают друг друга, то единственный способ сохранения самой конструкции Я заключается в установлении «диалога» между различными голосами. Я. Фактически Я и есть этот диалог. У Бахтина голоса Я-позиций актуализируются как участники художественного нарратива (романа), которые, будучи носителями определенных реплик, воплощают позиции принятия или отторжения, согласия или несогласия, следования или противодействия. Херманс, Валсинер и др. отчуждают, описанную Бахтиным механику формирования литературного героя, и полностью переносят ее в социальный контекст, указывая, что успешная экстраполяция в эмпирическую среду означает допустимость эмпирической разработки данного феномена. Отсюда построение процедур количественных оценок и количественных исследований, в которых, например, анализируются ансамбли автопредикаций и персонифицированных позиций клиентов. Ключевым для подобного анализа является сопоставление внутренних и внешних позиций. Для Херманса такое сопоставление подразумевает количественное измерение, в частности, шкалирование, применение матричных построений или создание двумерного графика факторов, по кривой которого можно увидеть как меняются закономерности попарных влияний внешних и внутренних позиций друг на друга. Двукратный график

предоставляет наглядную и, что важно, количественно измеримую визуальную карту отношений между внутренними и внешними параметрами. Применение графика обусловлено потребностью симультанного сопоставления внутренних и внешних позиций и отбора в ходе скользящих предпочтений наиболее доминирующих моделей (Hermans, 2001). Разработанный на основе бахтинского концепта диалогичности метод Херманса и Кемпена позиционировался как позволяющий заниматься глубинным изучением структуры личности. Для реализации серии подобных исследований авторы использовали различные графические и измерительные шкалы, в частности, т.н. двухветкорный анализ главных компонентов. Для этого на двух графиках осуществляется обзор организации внутренних и внешних позиций, а затем отмечаются и откладываются частотные зависимости на осях X и Y. Как видим, такой подход имеет больше общности с количественной методологией, чем с качественной, однако концептуальная основа данного подхода фундирована бахтинской идейной рамкой и представляет себя, скорее, в качестве способа экспериментального подтверждения его теоретических концептуализаций.

Диалогичность как условие социальности

Не менее важным понятием, успешно вписавшемся в западный дискурс социальных наук является понятие «диалогичности» (также «диалогизма»). Трактовка идентичности по Бахтину предполагает социокультурный аспект, поскольку идентичность возникает как результат принятия определенных над-индивидуальных и транс-персональных ценностей. Анализ комплекса всего многообразия внешних факторов, которые прямо или косвенно определяют поведение человека, фактически позволяет перевести разговор о Я из сугубо философской или умозрительной области в социально-прикладную. При этом в бахтинской традиции человек, скорее, сам конструирует социальный мир, что вовсе не означает возврата к идее трансцендентального субъекта. Смысловая и символическая реальность не является продуктом, порожденным некой капсулированной инстанцией Я. Ни Я, ни социум не являются субстанциально замкнутыми структурами, но возникают как результат взаимного созидания, и которые приходится мыслить как равно исходные. Однако, уже после момента со-творения, формирующаяся идентичность осуществляет выбор отождествления с социальной реальностью и ее конкретными и разнообразными проявлениями. Выбор определенных социальных групп, к которым можно примкнуть, ценностей, которые хочется разделить, культурных норм, которые интериоризируются и присваиваются, все это происходит в дифференцированных актах распознавания внешнего и причисления к нему. В этом и проявляется *диалогичность* – путем отнесения себя к какой-либо смысловой реальности. Человек формирует стойкое тождество, тем самым отрицая то, что таким тождеством не является – т.е. противопоставляет себя

ему. Следовательно, идентичность формируется через различие. Следует вначале распознать нечто, отличное от Я, нечто внешнее, и затем закрепить свое разделение, свою границу. Важно понимать, что при такой процедуре у идентичности нет внутреннего объема, она просто отделяет то, что является идентичностью, от всего того, чем не является. Идентичность формируется через разделительные фигуры Я и не-Я и конфигурируется в актах отличия от внешних условий.

Такая интерпретация бахтинской идеи диалогичности показалась целому ряду западных психологов и социологов очень точно отражающей процесс формирования социального Я. У Валсинера, Скиннер, Холланд и др. исследователей диалогичность (диалогизм) рассматривается как описание процесса формирования Я, которое начинает происходить в детстве и происходит на протяжении всей жизни, когда мы сталкиваемся с новыми формами Других Я [10]. Социальное взаимодействие ребенка проходит через медиацию Других, сформированных Я, которые выступают внешними источниками рефлексии для ребенка, который еще не прошел процесс отождествления с ценностным миром [11].

Когда названные авторы говорят о социальной форме индивидуации, то рассматривают ее с позиции диалогичности, что значит – удовлетворенной потребности в формировании и осознании собственных границ. Однако это не является конечной точкой, наоборот, началом полноценной рефлексии, которая поддерживает бесконечный процесс актуализации собственных границ. Подобная трактовка, действительно, соответствует сути бахтинского диалога – процесса постоянного определения смыслов, который не может быть завершен. Статичность чужда этому процессу, поэтому и идентификация рассматривается как нечто сиюминутное, то что существует в такой форме только сейчас, в данный момент, но было другим в прошлом и изменится в будущем. «Все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизовано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече – вся его сущность» [12, с.311-312]. Также о социальной идентичности говорят Херманс или Валсинер – идентичность не цементируется в пожизненном приобретении, но является весьма неустойчивым и подвижным образованием, она каждое мгновение пересобирается заново. Социальная природа идентичности проявляется в том, что мы всегда находимся «на границе» собственного разделения, в точке соприкосновения с Другим и отделения Я от не-Я. Диалогический подход подразумевает, что процесс отождествления с ценностным миром происходит постоянно, а не является статическим выбором определенных параметров. Социальное взаимодействие способствует определенной диффузии индивидуальностей, который необходимо компенсировать собственным восприятием или модификацией самого Я. «Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [12, с.312]. Это позволяет воссоздавать Другое Я

внутри своего Я и вести с ним диалог, формируя то, что Бахтин называл Другой в себе. Понятия позиционности и сконфигурированных миров происходят из расширений концепции Бахтина для антропологических исследований, для изучения того, как внутри и вопреки культуральной активности формируются идентичность и агентность [13].

Валсинер описывает сконфигурированные миры как «исторические и социальные феномены, в которые входят или рекрутируются индивиды, и которые производятся и развиваются внутри и посредством практик, осуществляемых их участниками. Сконфигурированные миры не являются разновидностью культуральных логик, описанных в прежних антропологиях, но представляют собой ограниченные, конвенционализированные деятельности, присущие специфическим историческим периодам и территориям. Они населены определенными социальными типами, которые обитают в особых позициях и выполняют действия обусловленные, своего рода, культуральной эйдетичностью. Эти социальные типы обладают голосами в бахтинском смысле, и различными по власти и статусу позициями. Самопонимание или идентичности, формируются внутри различных сконфигурированных миров, и каждая идентичность развивается диалогически, через непрерывное соучастие акторов, населяющих эти миры. Таким образом, голоса этих акторов становятся частью личного сознания, субъективности и внутренней речи, материалом, который Я может различным образом оркестровать и экстернализовать, чтобы позиционировать себя в сконфигурированном мире» [10].

Таким образом, адаптация идей диалогизма в западной традиции социальных наук подразумевает принятие изменчивой природы социальной идентичности и того, что изменения не являются нежелательными, а, наоборот, приветствуются как фактор и резерв внутренней трансформации. В то же время, большинство людей воспринимают идентичность как нечто стабильное и неизменное и делают ее своеобразным «якорем» самосознания, тем самым лишая себя потенциала развития. Эта особенность, как определенный внутриличностный конфликт, была в свою очередь подмечена и адаптирована целой плеядой западных психологов, что привело к созданию новых направлений и теорий в психологии (см. теорию валюации и теорию самоконфронтации Х. Херманса), а также расширению понимания того, как устроено человеческое восприятие, в частности, как человек воспринимает искусство [14], а также культурно-исторический контекст [15]. Эти и другие исследователи уделили немалое внимание психологическим аспектам соотношения приватных и консервативных черт идентичности и ее существенной нестабильности. Если сам Бахтин не придавал данной теме непосредственно психологического звучания, то в некоторых разделах западного бахтиноведения, вновь подпадающих под дисциплинарные рамки *Social studies*, ей была придана отчетливо психологическая интерпретация.

Граница как условие социальной идентичности

Еще одним важнейшим и определяющим явлением социальной идентичности является понятие «границы». Коль скоро мы говорим, об идентичности, то заданность границы необходима. Личность, составленная из многих коммуницирующих нарративов и Я-позиций, тем не менее, конституируется своим отделением от среды и выделением из мира других. В новом восприятии динамической и гибридной социальной среды понятие «границы» стало особенно важным и приобрело некоторые новые оттенки, которые по умолчанию не встречаются в бахтинских текстах. В реинтерпретации бахтинской теории Я именно границы стали инструментами классификации идентичностей и основой образования Я как социальной единицы [16].

Вопрос состоит в том, как формируется осознание этой границы? Является ли она неотъемлемой частью и условием самосознания или формируется в процессе развития под влиянием внешних и внутренних факторов? Можно предположить, что внутренняя тождественность сознания уже подразумевает это различие – мы осознаем свое Я и не-Я, то есть Другое. Вместе с тем, указанное разделение (идентичность) не является постоянным, оно меняется в ответ на внутренние/внешние обстоятельства, поэтому оно также обусловлено социальным взаимодействием. Ведь именно в процессе социального взаимодействия, т.е. в противостояниях границам Других Я, формируется различие себя и не-себя, а также нахождение схожести своего Я и Других Я или схожестей Других Я между собой.

По выражению Вальсинера, эта «граница» - не статическая стена, которая отделяет одни культурные категории от других, наоборот это «... обширная мембрана - пограничная зона, которую можно пересечь при определенных условиях» [17]. В рамках диалогической теории Бахтина именно границы разделяют наш опыт на внутренний и внешний, но при этом осознаваемые нами различия накладываются друг на друга, когда мы интернализируем другие Я, т.е. «находящихся вне» в терминологии Бахтина [18].

В диалогической традиции дискурсивные практики создают, поддерживают и разрушают границы, создавая фактически среду и даже целый мир пребывания человека. И эти практики состоят именно в пересечении, уклонении или укреплении границ, которые, по сути, являются зонами столкновения множества социокультурных зон, где каждая зона сконфигурирована собственными законами устройства мира.

Следовательно, бахтинское понятие диалога вполне может быть экстраполировано в область социальных исследований, в особенности тех, где рабочим является понятие «дискурса». Социологи, работающие с этим понятием, придают ему расширительное толкование и полагают, что социальная среда формируется особым смысловым измерением дискурсов. Не последнюю роль в этом процессе играет конкурирующий характер столкновения и вытеснения дискурсов. В свою очередь, Бахтин утверждает,

что историческая логика развития человека приводит к тому, что в каждый выбранный момент времени будет не один, а множество конкурирующих дискурсов. Таким образом, любой социальный дискурс по умолчанию является открытым и незавершенным и у него нет возможности стать интегративным «метадискурсом». Поэтому современное состояние социальной среды последователи Бахтина, в частности, Вальсинер или Херманс описывают как «многоголосие», что значит не только присутствие множественности культур, но и их постоянное социальное взаимодействие, диалог и взаимопроникновение. Многоголосие не ограничено территориально (пространство) и существует как на локальном, региональном, так и на глобальном уровне. При этом оно также не ограничено временными параметрами, то есть оно существовало во всех культурных контекстах ранее и будет существовать и в дальнейшем [19].

Ключевой характеристикой, которую внесла диалогическая теория Бахтина в западный корпус теорий социальной идентичности стал инвертированный подход к рассмотрению дискурса. Этот подход подразумевает, что вместо традиционного изучения влияния групповой идентичности на индивидуальную, рассматриваются процессы, которые привели к разделению на отдельные группы. Таким образом, первостепенен не эффект консолидации и конвергенции группы, ее наполнение и расширение по принципу сходств и подобий, а на то, что составляет их границу, дивергенцию, аспекты и параметры, отличающие от других. Как выразились Laggain и Naue «Культурные границы существуют еще до того, как была определена конфигурация ... членов группы и их отношения к другим. Если в обществе развивается дифференциация ... двух групп, то это происходит не из-за групповой идентичности их субъектов, а из-за силы или непроницаемости границ, которые общество культивирует между субъектами и внутри них» [20, с.475]. В диалогической теории культурные различия являются результатом процесса формирования социальной идентичности и экстернализации восприятия существующих границ.

Важно понимать при этом, что, как полагает ряд исследователей, занятых рецепцией бахтинских идей в социальные контексты, граница формируется как стык или пересечение двух и более культур, кодов, нарративов и пр. Граница образуется такой встречей, в которой инерция распространения каждой культуры в качестве всеобъемлюще безграничной затухает или приостанавливается, поскольку сталкивается со встречной силой другой культуры. Также происходит с нарративами и определенными дискурсивными средами.

Тематизация понятия «границы» позволила многим западным исследователям, ориентированным на бахтинское наследие, существенно экстраполировать бахтинскую методологию на целый ряд прикладных областей знания, таких как этнография [10], гендерные исследования, культурная психология [17] и др.

Теория «Диалогического Я» Х. Херманса и теория интернализации Я. Вальсинера

Одними из самых показательных теорий, который смогли развиваться благодаря адаптации концепции диалогизма Бахтина, а также такого его понятия как разноречие голосов стали Теория Диалогического Я Херманса и Теория интернализации Вальсинера.

Опираясь на Я-концепцию Джеймса, дополненную полифонической метафорой Бахтина, уже упоминаемый выше Херманс обосновал концепцию, в которой «Я» реагирует на темпоральные и ситуационные изменения, занимая различные позиции [21]. Следовательно, Херманс рассматривает «Я» в качестве динамического множества относительно автономных Я-позиций, которые значительно отличаются друг от друга, вплоть до противоположности [22]. В своем прочтении дуальной пары «единство/множество» он опирался на идеи Вильяма Штерна в направлении критического персонализма, который описал это явление как *unitas multiplex* (множественное единство) [23]. Между Я-позициями формируются диалогические отношения, поскольку у каждой из них есть «голос», а также своя история и виденье конкретного опыта или ситуации. Посредством этих голосов позиции взаимодействуют между собой – соглашаются или спорят, задают вопросы и находят на них ответы, тем самым формируя сложную нарративную структуру диалогического «Я». Плодотворными концептуализациями, которые Херманс заимствует у Бахтина являются время и пространство, которые представляют собой существенно важные характеристики проявления диалогического «Я». При этом если временные характеристики сознания активно рассматривались в рамках континентальной философской традиции в контексте нарративного подхода, то акцент на пространственном измерении сознания является непосредственной находкой Херманса. Обычно нарративная структура диалогического «Я» мыслится как связанная с временными характеристиками, ведь течение времени является неотъемлемой частью любого нарратива. Херманс, в свою очередь, связывает понятие нарратива с понятиями «позиция» и «позиционирование», трактуя их как альтернативу традиционному понятию «социальной роли». При этом он использует понятие динамического пространственного взаимодействия, при котором происходит смена Я-позиций. Для формирования позиции требуется, своего рода, ландшафт, протяженность, в которых формируется связность с другими позициями, и в которой происходит подтверждающее взаимоудержание позиции или доукомплектовывающее ее противостояние с прочими. В обоих случаях, согласно методологии Херманса, возможно снятие количественных замеров, и статистический анализ, в подготовке которых могут использоваться такие инструменты как анкетирование, проведение проблемных интервью, формирование фокус-групп и пр. Сам Бахтин выражал это взаимодействие посредством идеи многоголосия пространственного повествования, в котором голоса являются скорее

разнородными, чем единообразными и скорее противоборствующими, чем идентичными. Следовательно, они звучат не в унисон, а в полифонии. В рамках этого взаимодействия голоса общаются и спорят друг с другом. Эти персонажи обычно являются частью нашего «внешнего» мира, но могут также возникать в нашем «внутреннем» мире воображения. Практически все эти идеи сохраняются в подходе Херманса и подобных ему, но плавно перетекают из умозрительной теории в эмпирические исследования [24].

В частности, у ряда исследователей рассмотрение Я как «множественности Я-позиций в воображаемом ландшафте себя» [22] стало возможным благодаря разработке ряда эвристических моделей для определения позиционных сдвигов, в частности, дискурсивных практик, понимаемых обычно как интервью, анализ фокус-групп или психотерапевтический диалог, и способных выявить определенные Я-позиции [25]. В последнее время эти обусловленные Я-позиции, именуемые по большей части квази-личностями [26] становятся предметом психологических исследований. Например, речь идет о том, что квази-личности определяются в процессе психотерапевтического разговора и в результате особой терапевтической техники. Внутри этих практик концепты, заимствованные из бахтинской методологии планомерно перерастают в более привычные для узкоспециализированных научных контекстов понятия и инструменты, но не утрачивают связь с изначальным смысловым полем. Например, квази-личности определяются не только как позиции и роли [26], но как различные голоса, формирующие полифонию и глубинную диалоговость и социального пространства.

Еще одна теория, которая активно задействует концепции Бахтина, это теория интернализации, разработанная Ж. Вальсинером, крупным современным специалистом по теории человеческого развития, эмерджентизма в системах различного уровня, культурной психологии и диалогическим процессам. Его подход, разветвленный и в значительной степени междисциплинарный, использует бахтинское видение формирования идентичности и агентности внутри культуральной активности. Ключевыми понятиями его теории являются диалоговость и сконфигурированные миры, которые исходят из антропологических исследований Бахтина. Как и многие другие теории, содержащие идеи Бахтина, теория интернализации является междисциплинарной, берущей истоки из семиотической психологии и персонологии [27]. Особенностью сконфигурированных миров является то, что они не являются разновидностью того, что Вальсинер называет «культуральными логиками», а скорее обособленными сферами социальной активности, ограниченные историческими, культурными и социальными процессами [13]. В связи с этим, несмотря на свою природу, они могут проявлять определенную территориальность, то есть присутствовать в пространстве исторического и культурного взаимодействия. Согласно Вальсинеру, сконфигурированные миры создаются посредством социальных практик и их участников, каждый из которых выполняет свойственный ему

набор действий. Взаимодействие этих социальных типов иерархично в диалогическом понимании, т.е. они обладают разно-мощными голосами и различаются по статусу и полномочиям. Социальная идентичность конфигурируется одновременно с конфигурированием мира, для чего необходим диалог и диалоговое взаимодействие с прочими участниками. Следовательно, каждая идентичность несет в себе отголосок и «взвесь» того сконфигурированного мира и его обитателей, с которыми она взаимодействовала в процессе формирования и именно синтез этих отголосков и впечатков образует рисунок экстернализации и репрезентации от имени определенного мира.

Все подобные концептуализации быстро выходят в работах Вальсинера из-под власти умозрительно-теоретических рефлексий и переходят под юрисдикцию в той или иной степени экспериментального знания. В частности, Вальсинер прибегает к языку социальной и культурной психологии, и часто пользуется наглядным материалом – например, анализом речевых практик представителей различных этнических групп, этнометодологическими и этнографическими данными и пр. В части разработки собственной теории он разделяет психологические феномены по их внутреннему и внешнему проявлению, где к внутреннему относятся субъективные процессы сознания, а к внешним – прямая интеракция с другими в процессе экстернализации сознания. Человек образован двумя этими процессами, но если первое, индивидуальной-приватное измерение, как правило, очевидно, то обращенность сознания вовне, во включенный диалог с другими требует дополнительных уточнений. Однако как бы то ни было, все эти размышления и разработки у Вальсинера активно подкрепляются данными «полевых» исследований.

Вальсинер рассматривает миры внутренней психической жизни и внешней социализации отдельно друг от друга в инклюзивном разделении [27]. Подобное разделение позволяет изучать взаимодействия между отдельными частями, но не нарушая единства системы. Личное переживание человека является основой человеческой социальности, но человек способен выйти за пределы непосредственного социального контекста путем семиотического опосредования. Таким образом, личность человека формируется за счет двунаправленных отношений человек-мир, а источником формирования новых психологических феноменов является как раз место между внутренней и внешними бесконечностями. Карта миров, составляет бесконечность границ, ведь человек в процессе развития движется ко все больше отдаляющимся горизонтам психики. Именно понимание обоих миров не как четко определенных «сосудов», а как бесконечностей, разделенных границами, адаптирует концепцию диалогичности и позволяет изучать человека, социальный мир и взаимодействия между ними как единое целое. Психологические феномены возникают на бесконечной границе внешнего и внутреннего, но Вальсинер также акцентирует внимание на то, что сознание одновременно находится в прошлом и будущем [28]. Таким

образом, многие ученые теории интернализации рассматривают формирование идентичности в четырех парных проекциях – времени (прошлое/будущее) и пространства (внешнее/внутреннее) [27]. Процесс постоянной адаптации происходит на пересечении социальных неопределенностей (внутренне/внешнее) и неопределенностей времени (прошлое/будущее).

В дополнение к этим теориям и подходам модель интернализации развивается в ряде социальных исследований как ключевое понятие взаимодействия индивида и внешней среды. Для ряда психологических и социально-психологических дисциплин важной трактовкой личности является указание на то, что личность может занимать несколько основных и вторичных ролей в зависимости от социального контекста. При этом возможности личности самостоятельно определять позицию своего участия относятся не только к социальной (внешней), но и к психологической (внутренней) сфере. Человек способен сохранять фрагменты интернализированных материалов внешнего мира и подстраивать свою систему оценок под обновляющиеся данные, поступающие извне. Таким образом, система интернализации / экстернализации позволяет говорить о том, что позиция человека относительна – он может чередовать различные роли, конфигурировать разные автопредикации, как долговременные, так и более кратковременные и ситуативные, центральные и вторичные. Их можно по-разному группировать и классифицировать, в зависимости от критерия и основания деления. Инвариантным остается только принцип присвоения и отчуждения подвижных взаимодействий с внешним миром. Механизм регуляций взаимодействия с миром как раз и происходит при участии границы. Это позволяет поддерживать уровень социальной активности без снижения осознанной включенности. Интересно отметить, что сочетания концепции сконфигурированных миров с идеями Бахтина позволяет создать насыщенные теории того, как человек воссоздает внешние позиции и роли у себя в сознании для решения различных психологических задач, таких как саморефлексия, моральная оценка и решение насущных проблем [10].

Таким образом, согласно большинству упомянутых выше авторов изучение идентичности следует проводить в теоретическом поле, но подтверждать практико-ориентированными данными прямых наблюдений. К сожалению, многие концептуальные схемы исследователей, опирающиеся на наследие Бахтина и других апологетов «диалога» созданы в рамках чистых теорий которые недооценивают важность наглядных эмпирических подтверждений. Подобная адаптация бахтинских понятий имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать и по возможности преодолевать. Это ни в коем случае не значит, что добротная и необходимая для креативного исследования теория, должна быть отброшена или растворена в научно-прикладных изысканиях, но она должна быть обстоятельно укреплена соответствующим эмпирическим материалом, который при желании может быть обнаружен в избытке [19].

Заключение

Наследие Бахтина не теряет актуальности в современном мире, ведь его подходы стали основой разработки категориального аппарата для многих исследователей как в нашей стране, так и на Западе. Однако западная рецепция произвела совершенно нестандартный вид заимствования бахтинских идей, приведших к их серьезным методологическим расширениям и трансформациям. В первую очередь, под подобным расширением понимается внедрение эмпирического материала, фундирование бахтинских идей арсеналом прикладных исследований, дисциплинарно ранжируемых в рамках Social Studies. Если для социальных наук принципиальным является демонстрация зависимости позиции человека от контакта с социальным миром, окончательный отказ от метафизических теорий Я и субъекта, то в ряде западных версий рецепции бахтинского наследия весь арсенал подобных идей может получить богатое эвристическое подтверждение, в котором исключается неуместное упрощение именно благодаря концептуальному аппарату бахтинских теорий. Любопытно, что Бахтин становится тем автором, на результатах работы которого, представляется возможным продемонстрировать отказ от метафизических подходов к человеку в пользу эмпирических социологий и антропологий. На этом пути целому ряду замечательных западных исследователей Бахтин показался значимым как теоретик, осуществивший непосредственный переход от философии к культурной психологии и социологии субъекта. Он был востребован ими, поскольку, по их мнению, осуществил смычку между чистой гуманитаристикой и социально-прикладными дисциплинами. Процесс активной и продуктивной ассимиляции бахтинского наследия продолжается и сегодня, и мы видим как вокруг тех исследователей, которые еще несколько десятилетий назад были пионерами в разработке бахтинского наследия, образуются школы и формируются группы единомышленников.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФ «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог», 2019–2021, № 19–18–00100.

Список литературы

1. Kristeva J. Word, Dialogue and Novel [Le mot, le dialogue et le roman]. *Sēmeiōtikē: Recherches pour une sémanalyse*. Paris: Éditions du Seuil. 1969, pp. 143-173.
2. Morson G. S., Emerson C. 1990. Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics. Stanford University Press. 552 p.
3. Brandist, C. 2002. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London and Sterling: Pluto Press. 229 p.
4. Geertz, C. 1983. Local knowledge: fact and law in comparative perspective // Local knowledge. Basic Books. 256 p.
5. Ortner S. B. 1997. Fieldwork in the postcommunity // Anthropology and Humanism № 22.1. P. 61-80.
6. Canclini N. G. 1995. The Hybrid: A Conversation with Margarita Zires, Raymundo Mier, and Mabel Piccini // The postmodernism debate in Latin America. Duke University Press. P. 77-92.
7. Ушакин, С. 2006. Вне находимости: Бахтин как чужое свое // Новое литературное обозрение. №79. С. 73-85.
8. Романов В.Н. 1997. Исповедь научного работника, или Утешение методологией // Три подхода к изучению культуры. М.: Из-во МГУ. 128 с.
9. Tajfel H. 1974. Social identity and intergroup behavior // Social science information. № 13.2. P. 65-93.
10. Skinner D., Valsiner J., Holland D. 2001. Discerning the dialogical self: A theoretical and methodological examination of a Nepali adolescent's narrative // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. Vol. 2. №. 3.
11. Valsiner J. 2005. Scaffolding within the structure of dialogical self: Hierarchical dynamics of semiotic mediation // New ideas in Psychology. №23.3. P. 197-206.
12. Бахтин М. М. 1979. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство. 423 с.
13. Holland J., Ramazanoglu, C., Sharpe, S., Thomson, R. 1998. The male in the head // The male in the head: Young people, heterosexuality and power. P. 171-191.
14. Holquist M., Liapunov V. 1990. Art and answerability: Early philosophical essays. University of Texas Press. 216 p.

15. Holland D., Lave J. 2001. History in person // *Enduring Struggles: Contentious practice, intimate identities*. P. 1-32.
16. Boesch, E. E. 2007. Cultural psychology in action-theoretical perspective // *Discovering cultural psychology: A profile and selected readings of Ernest E. Boesch*. Information Age Publishing. P. 153-165.
17. Valsiner, J. 2009. Cultural Psychology Today: Innovations and Oversights // *Culture & Psychology*. Volume 15, №1, P. 5-39.
18. Haye A., González R. 2020. Dialogic borders: Interculturality from Vološinov and Bakhtin // *Theory & Psychology*. <https://doi.org/10.1177/0959354320968635>
19. Valsiner J. 1986. Between groups and individuals // *The individual subject and scientific psychology*. Springer, Boston, MA. P. 113-151.
20. Larraín A., Haye, A. 2014. A dialogical conception of concepts // *Theory & Psychology*. № 24(4). P.459-478.
21. Hermans H. J., Kempen H. J., Van Loon R. J. 1992. The dialogical self: Beyond individualism and rationalism // *American psychologist*, №47 (1). P. 23-33.
22. Hermans H. J. 1996. Voicing the self: From information processing to dialogical interchange // *Psychological bulletin*, 119(1), 31.
23. Lee N., Harré R. 2010. William Stern and discursive psychology // *New Ideas in Psychology*. №28(2). P.151-158.
24. Verhofstadt-Denève, L. M. F. 1999. Action-and drama-techniques with adolescent victims of violence a developmental therapeutic model // *International journal of adolescent medicine and health*. № 11(3-4). P. 351-368.
25. Whittaker L., Gillespie A. 2013. Social networking sites: Mediating the self and its communities // *Journal of community & applied social psychology*. № 23(6). P. 492-504.
26. Hermans H. J., Gieser, T. 2012. Introductory chapter: History, main tenets and core concepts of dialogical self theory // *Handbook of dialogical self theory*, P. 1-22.
27. Valsiner J. 1998. *The guided mind: A sociogenetic approach to personality*. Harvard University Press. 480 p.
28. Valsiner J. 2007. *Culture in minds and societies: Foundations of cultural psychology*. SAGE Publications India. 434 p.
29. Hermans H. J., Kempen H. J. 1993. *The dialogical self: Meaning as movement*. Academic Press. 195 p.

30. Hermans H. J., Kempen H. J. 1995. Body, mind and culture: The dialogical nature of mediated action // *Culture & Psychology*. №1.1. P. 103-114.

31. Hermans H. J. 2001. The dialogical self: Toward a theory of personal and cultural positioning // *Culture & psychology*. №7.3. C.243-281.

32. Kristeva J. 1969. Word, Dialogue and Novel [Le mot, le dialogue et le roman] // *Sēmeiōtikē: Recherches pour une sémanalyse*. Paris: Éditions du Seuil. P.143-173.

References

1. Bakhtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of word art]. Ed: Bocharov S. G. Moscow: Iskusstvo. 1979, 423 p. (In Russian)

2. Romanov V.N. *Ispoved' nauchnogo rabotnika, ili Uteshenie metodologiej* [Confession of a Scientist, or Consolation by the Methodology]. In: *Tri podhoda k izucheniju kul'tury* [Three approaches to the culture research]. Moscow: Iz-vo MGU. 1997, 128 p. (In Russian)

3. Ushakin, S. *Vne nahodimosti: Bahtin kak chuzhoe svoe* [Out of the discoverability: Bakhtin as an unfamiliar native]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2006, Vol. 79. pp. 73-85. (In Russian)

4. Boesch, E. E. Cultural psychology in action-theoretical perspective. In: *Discovering cultural psychology: A profile and selected readings of Ernest E. Boesch*. Information Age Publishing. 2007, pp. 153-165.

5. Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. London and Sterling: Pluto Press. 2002, 229 p.

6. Canclini N. G. *The Hybrid: A Conversation with Margarita Zires, Raymundo Mier, and Mabel Piccini*. *The postmodernism debate in Latin America*. Duke University Press. 1995, pp. 77-92.

7. Geertz, C. Local knowledge: fact and law in comparative perspective. In: *Local knowledge*. Basic Books. 1983, 256 p.

8. Haye A., González R. Dialogic borders: Interculturality from Vološinov and Bakhtin. *Theory & Psychology*. 2020, <https://doi.org/10.1177/0959354320968635>

9. Hermans H. J., Kempen H. J., Van Loon R. J. The dialogical self: Beyond individualism and rationalism. *American psychologist*, 1992, №47 (1). P. 23-33.

10. Hermans H. J., Kempen H. J. *The dialogical self: Meaning as movement*. Academic Press. 1993, 195 p.

11. Hermans H. J., Kempen H. J. Body, mind and culture: The dialogical nature of mediated action. *Culture & Psychology*, 1995, Vol. 1.1. P. 103-114.
12. Hermans, H. J. Voicing the self: From information processing to dialogical interchange. *Psychological bulletin*, 1996, Vol. 119(1), 31.
13. Hermans H. J. The dialogical self: Toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture & psychology*, 2001, Vol. 7.3. pp.243-281.
14. Hermans H. J., Gieser, T. Introductory chapter: History, main tenets and core concepts of dialogical self theory. *Handbook of dialogical self theory*, 2012, pp. 1-22.
15. Holland J., Ramazanoglu, C., Sharpe, S., Thomson, R. The male in the head. *The male in the head: Young people, heterosexuality and power*. 1998, pp. 171-191.
16. Holland D., Lave J. History in person, *Enduring Struggles: Contentious practice, intimate identities*. 2001, pp. 1-32.
17. Holquist M., Liapunov V. Art and answerability: Early philosophical essays. University of Texas Press. 1990, 216 p.
18. Kristeva J. Word, Dialogue and Novel [Le mot, le dialogue et le roman]. *Sēmeiōtikē: Recherches pour une sémanalyse*. Paris: Éditions du Seuil. 1969, pp. 143-173.
19. Larraín A., Haye, A. A dialogical conception of concepts. *Theory & Psychology*. 2014, Vol. 24(4), pp. 459-478.
20. Lee N., Harré R. William Stern and discursive psychology. *New Ideas in Psychology*. 2010, Vol. 28(2), pp.151-158.
21. Morson G. S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics. Stanford University Press. 1990, 552 p.
22. Ortner S. B. Fieldwork in the postcommunity. *Anthropology and Humanism*, 1997, Vol. 22.1, pp. 61-80.
23. Skinner D., Valsiner J., Holland D. Discerning the dialogical self: A theoretical and methodological examination of a Nepali adolescent's narrative. *Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research*. 2001, Vol. 2, №. 3.
24. Tajfel H. Social identity and intergroup behavior. *Social science information*. 1974, Vol. 13.2, pp. 65-93.
25. Valsiner J. Between groups and individuals. *The individual subject and scientific psychology*. Springer, Boston, MA. 1986, pp. 113-151.

26. Valsiner J. *The guided mind: A sociogenetic approach to personality*. Harvard University Press. 1998, 480 p.

27. Valsiner J. Scaffolding within the structure of dialogical self: Hierarchical dynamics of semiotic mediation. *New ideas in Psychology*, 2005, Vol. 23.3, pp. 197-206.

28. Valsiner J. *Culture in minds and societies: Foundations of cultural psychology*. SAGE Publications India. 2007, 434 p.

29. Valsiner J. Cultural Psychology Today: Innovations and Oversights. *Culture & Psychology*, 2009, Vol.15 (1), pp. 5-39.

30. Verhofstadt-Denève L. M. F. Action-and drama-techniques with adolescent victims of violence a developmental therapeutic model. *International journal of adolescent medicine and health*, 1999, Vol. 11(3-4), pp. 351-368.

31. Whittaker L., Gillespie A. Social networking sites: Mediating the self and its communities. *Journal of community & applied social psychology*, 2013, Vol. 23(6), pp. 492-504.

Diana E. Gasparyan
PhD, Associate Professor
Senior Research Fellow
HSE University, Faculty of Humanities
School of Philosophy and Cultural Studies, Moscow
101001, Myasnitskaya Str., 20. E-mail: anaid6@yandex.ru

**EVOLUTION OF THE SOCIAL IDENTITY CONCEPT IN THE
WESTERN RECEPTION OF M.M. BAKHTIN IDEAS: FROM ARTS &
HUMANITIES TO SOCIAL STUDIES**

Abstract:

The article considers some trends in Western Bakhtinology, as well as the peculiarity of the English-language reception of M.M. Bakhtin's works. It is shown that one of the distinctive features of the reception has been the practice of transferring Bakhtin's methodology from the field of pure humanism into the field of empirical sciences, in particular, the disciplinary transformation from "Arts & Humanities" into "Social Studies". The extent to which "dialogism," "dialogical self," "social identity," and "boundary" have become key concepts in the path of this reinterpretation is examined. The analysis of the topic is illustrated mainly on the works of two major researchers who actively apply Bakhtin's methodology within the framework of their own works - J. Valsiner and H. Hermans.

Keywords: Mikhail Bakhtin, social identity, Bakhtin Circle, Western reception, dialogism, dialogical self, Arts & Humanities, Social Studies